

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.11>

UDC 81'1:003
LBC 81.003

Submitted: 18.01.2022
Accepted: 21.03.2022

THE ASSOCIATIVE POTENTIAL OF THE PRECEDENT ONYM *CHERNOBYL* IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD¹

Natalya A. Segal

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Anna N. Mishchenko

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Mariya B. Voroshilova

Ural Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The Internet space of the beginning of the 21st century is rich in wide selection of figurative language units, which reflect modern realities in network communication by referring to already known events, facts, and situations. The purpose of the proposed article is to identify the semantic-and-pragmatic and associative potential of the *Chernobyl* precedent situation onym as a component of the Russian language picture of the world. The analysis of the current Internet space allowed the authors to conclude that the frequency of appeals to the precedent toponym *Chernobyl* has increased in the last decade. Thus, in online media, chat rooms and blogs, parallels are drawn between the tragic events of 1986 and the alarming situations of our time. It can be noted that the image of *Chernobyl* is projected not only on states and political associations, but also on particular politicians, while the variety of integral components that underlie metaphorical images and scenarios attracts attention. The associative image of *Chernobyl* is constructed by means of linguistic units of the figurative system relevant to the representation of the disaster. Such words and constructions in media texts acquire new connotative backgrounds and have a high transformational potential. A wide range of connotatively labeled linguistic means used in modeling the image of *Chernobyl* is the basis for the formation of a fragment of the worldview of a modern linguistic personality reflected in actual network communication.

Key words: language personality, precedent phenomenon, precedent onym, toponym, associative potential, secondary nomination, media text, network communication.

Citation. Segal N.A., Mishchenko A.N., Voroshilova M.B. The Associative Potential of the Precedent Onym *Chernobyl* in the Russian Language Picture of the World. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 3, pp. 132-142. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.11>

УДК 81'1:003
ББК 81.003

Дата поступления статьи: 18.01.2022
Дата принятия статьи: 21.03.2022

АССОЦИАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ОНИМА *ЧЕРНОБЫЛЬ* В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА¹

Наталья Александровна Сегал

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

Анна Николаевна Мищенко

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

Мария Борисовна Ворошилова

Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. Интернет-пространство в начале XXI в. насыщено различными языковыми единицами образной системы, отражающих в сетевой коммуникации современные реалии посредством отсылки к уже известным событиям, фактам, ситуациям. Цель предлагаемой статьи заключается в выявлении семантико-прагматического и ассоциативного потенциала прецедентного онима Чернобыль как составляющего русскую языковую картину мира. Н.А. Сегал установлено, что в электронных СМИ, чатах и блогах проводятся параллели между трагическими событиями 1986 г. и тревожными ситуациями современности. А.Н. Мищенко определено, что образ Чернобыля проецируется на государства, политические объединения, конкретных политиков, показано, что при этом актуализируются разнообразные интегральные компоненты, лежащие в основе создания метафорических образов и сценариев. На основе экспериментальных данных М.Б. Ворошиловой обнаружено, что ассоциативный образ Чернобыля строится посредством языковых единиц, репрезентирующих катастрофу. Такие слова и конструкции в интернет-коммуникации приобретают новый коннотативный фон и имеют высокий трансформационный потенциал. Показано, что в основе формирования фрагмента картины мира современной языковой личности, отраженного в актуальной сетевой коммуникации, лежит широкий набор коннотативно маркированных языковых средств, используемый при моделировании образа Чернобыля.

Ключевые слова: языковая личность, прецедентный феномен, прецедентный оним, топоним, ассоциативный потенциал, вторичная номинация, медиатекст, сетевая коммуникация.

Цитирование. Сегал Н. А., Мищенко А. Н., Ворошилова М. Б. Ассоциативный потенциал прецедентного онима *Чернобыль* в русской языковой картине мира // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 132–142. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.11>

Введение

Сетевая коммуникация, проникающая сегодня во все социальные сферы, имеет мощный манипулятивный потенциал и влияет на систему ценностей и антиценностей каждой отдельной языковой личности и общества в целом. Наиболее показательным данный тезис становится при отражении в интернет-пространстве важных социальных, политических, экономических или культурных событий, предполагающих определенную коннотацию и широкий ассоциативный фон, использование большого количества языковых единиц образной системы.

Мировая история пестрит событиями и фактами, значимыми для того или иного региона или поколения, однако лишь малая их часть стала определяющей для миллионов человек, одного или нескольких государств, во многом повлияла на дальнейшее развитие мира. В новейшей истории, бесспорно, такой глобальный масштаб приобретает Чернобыльская катастрофа, принеся трагическую известность маленькому городу; ситуация, закрепившаяся в языковом сознании многих поколений. Болезни и разрушения, героизм и малодушие – катастрофа запомнилась совершенно разными своими аспектами и стала источником мифов, легенд, вымыслов и домыс-

лов, исторических фактов, сюжетов, материалов. Об этой трагедии на протяжении десятилетий снимаются передачи, кинофильмы и сериалы, что, бесспорно, способствует глубокому закреплению данного события в исторической памяти. Чернобыль долгие годы находится на слуху у представителей разных стран и национальностей, поскольку является территорией запустения, мертвым местом в самом центре Европы.

Цель предлагаемой статьи заключается в выявлении семантико-прагматического и ассоциативного потенциала прецедентной ситуации *Чернобыль* как составляющей русской языковой картины мира.

Комплексный и системный анализ прецедентных единиц из разных сфер-источников представлен в большом количестве публикаций конца XX – начала XXI века. Определяя прецедентные единицы как культурно значимые языковые факты, лингвисты по-разному определяют объем и границы понятия «прецедентность», его основные категории [Будаев, 2010; Гудков, 1999; 2003; Дрянгина, 2011; Дымарский, 2004; Костомаров, Бурвикова, 1994; Красных и др., 1997; Моисеенко, 2012; Нахимова, 2011; Немирова, 2010; Отин, 2003; Сегал, 2018; Сегал, Мищенко, 2017; 2018; Черникова, 2013; Чудинов, 2007; Чудинов, Будаев, Солопова, 2020 и др.].

Однако все исследователи сходятся в том, что прецедентные феномены являются ценной и значимой частью актуального интернет-пространства, поскольку не просто апеллируют к известным фактам и событиям, историческим персонажам и вымышленным героям, но и помогают анализировать и систематизировать те интегральные компоненты, которые лежат в основе становления и развития образов, являются источниками ассоциирования и дальнейшего моделирования фрагмента языковой реальности, отраженной в языке СМИ.

Со дня страшной трагедии на Чернобыльской атомной электростанции прошло более 35 лет. Исторические события, уходящие в прошлое, обрастают ассоциациями, которые основаны на наиболее значимых и закрепленных в языковом и культурном сознании фактах: прецедентный феномен *Чернобыль* стал еще активнее упоминаться на страницах газет и журналов не только в прямом, но и в переносном значении.

Конфликтность и агрессивность современного мира, связанные не только с определенными политическими или социальными разногласиями, но и с экологическими катастрофами, пандемией коронавируса, экономическими проблемами и многими другими ситуациями, определили использование вновь актуализированного образа Чернобыля, ассоциативный потенциал которого представляется настолько широким, что позволяет реализовать языковые единицы, входящие в лексико-семантическое поле «Чернобыль» в различных медийных сферах, связанных с экономикой, политикой, обществом, культурой. Данный факт коррелирует с заключениями Э.В. Будаева о том, что в различные исторические периоды может преобладать та или иная метафора либо метафорическая модель и это обусловлено частотностью употребления метафор ввиду общественных кризисов, которые могут быть инструментом для разрешения проблемной ситуации [Будаев, 2010, с. 10–22].

Образ Чернобыля в качестве прецедентного применяется в данной работе не впервые. На использование языковой единицы *Чернобыль* в сетевой коммуникации на уровне вторичной номинации обращала внимание Е.А. Нахимова. Рассматривая прецедентные онимы в актуальном времени исследования интернет-простран-

стве, она выделила у топонима метафорическое и метонимическое значения. Проецируя данную идею на использование языковой единицы *Чернобыль* в интернет-изданиях, блогах и чатах на уровне вторичной номинации, автор рассматривает ее в трех вариантах: 1) название города; 2) метонимическое название катастрофы на АЭС; 3) метафорическое название для других масштабных техногенных катастроф [Нахимова, 2011, с. 94]. Соглашаясь с заключением исследователя, подчеркнем, что в последнее десятилетие (работа Е.А. Нахимовой была опубликована в 2011 г.) наблюдается расширение сфер применения метонимического названия катастрофы на АЭС и, как было обозначено ранее, кроме техногенных катастроф метонимизация транслируется на политические и экономические кризисы, эпидемиологические заболевания и многие другие сферы.

Материал и методы

Наиболее значимыми при проведении исследования были описательный и интерпретационный методы, метод метафорического моделирования и элементы количественного анализа. Для получения более полных и объективных данных был использован метод свободного ассоциативного эксперимента.

Материалом для исследования прецедентного онима *Чернобыль* в интернет-пространстве послужил корпус современных электронных СМИ, содержащих более 250 апелляций к указанному оному и связанных с ним прецедентных названий и атрибутов, представленных на страницах интернет-изданий русскоязычных российских и украинских газет, журналов, информационных агентств («Голос», «Известия», «Крымские новости», «Лента», РИА «Новости», «Радиовести», «Русская пресса», «Телезвезда», «Украина.ру» и др.), а также картотека примеров из чатов, блогов и форумов социально-политической направленности.

Результаты и обсуждение

По результатам Всеукраинской переписи 2001 г. наравне с Припятью Чернобыль отнесен к городам «без населения». До аварии в городе проживало около 13 тысяч человек. Безусловно, в современном интернет-

пространстве использование номинации *Чернобыль* в прямом значении наблюдается реже, чем непосредственно после катастрофы, однако лексема *Чернобыль* все активнее используется при объективации переносного значения, соотносимого с определенной сложной и граничащей с катастрофой ситуацией.

Сейчас наименование *Чернобыль* чаще используется в русскоязычном интернет-пространстве для метафорического описания определенной политической ситуации либо решения относительно большого количества людей, при этом подчеркивается, что принимаемое решение с большой долей вероятности может привести к негативным последствиям и быть непоправимым и разрушительным:

(1) Ющенко – ЕС: действия Януковича это **второй Чернобыль**. То, что произошло 21 апреля в Харькове, а затем 27 апреля в парламенте является аналогом **Чернобыльской катастрофы** в истории украинской дипломатии (<https://rus.delfi.ee>, 06.05.2020).

Чернобыль чаще ассоциируется не с городом как территориально-административным образованием, а с местом, где произошла крупнейшая в мире экологическая катастрофа. Именно этот факт позволяет авторам медийных сообщений метафорически описывать страны, регионы, города, где возможна новая экологическая или техногенная угроза, либо говорить о глобальной экологической катастрофе в целом:

(2) Нужно действовать сейчас, иначе мы получим **«экологический Чернобыль»** (Известия, 24.07.2019).

В актуальном интернет-пространстве *Чернобыль* ассоциируется с большим количеством регионов, которые известны потенциально возможными или уже произошедшими техногенными катастрофами: Крымом (выброс загрязняющих веществ с завода «Титановые инвестиции» в г. Армянске 27.08.2018); Усолье-Сибирском Иркутской области (химической завод «Усольехимпром», пропитывающий почву и подземные воды опасными химическими веществами); островом Хонсю (последствия землетрясения 11.03.2011); Каменском, Днепродзержинская обл., Украина (разрушающиеся здания с радиоактивно зараженным оборудованием); Донецком (в 1979 г.

в шахте «Юный Коммунар» в пригороде Енакиево произошел подземный ядерный взрыв); Турцией (строительство АЭС «Аккую»); США, Пенсильванией (авария на атомной электростанции «Три-Майл-Айленд» 28.03.1979); Китаем (взрыв 700 тонн цианида натрия в порту Тяньцзиня 12 августа 2015 года). Например:

(3) **Крымский «чернобыль»**: чем грозит Украине экологическая катастрофа на полуострове (УНИАН, 04.09.2018);

(4) **Сибирский «Чернобыль»** из офшора: как разорвался «Усольехимпром» (www.kramola.info, 19.04.2011);

(5) **Японский Чернобыль**: как Фукусима пришла на смену Хиросиме (<https://realt.onliner.by>, 11.11.2015);

(6) Бомба замедленного действия: как сейчас выглядит **Каменской «Чернобыль»** под Днепроном (<https://ria-m.tv>, 06.09.2021);

(7) Шахта Юнком. **Донецкий Чернобыль** (<https://www.bbc.com>, 21.04.2011);

(8) Турецкая АЭС «Аккую» может оказаться **«Чернобылем»** для региона (Красная весна, 14.03.2021);

(9) **Американский «Чернобыль»**: как авария на АЭС едва не стерла с лица земли целый штат (Звезда, 20.11.2019);

(10) В 2015 году взорвался **«китайский Чернобыль»**. Власти Китая назвали этот случай самой ужасной техногенной катастрофой за всю историю существования КНР (<https://www.epochtimes.com.ua>, 26.11.2015).

Такая отсылка к известному образу не только оживляет в сознании носителей языка общеизвестный исторический факт, но и эксплицирует интегральные компоненты ‘опасность’, ‘угроза’, ‘халатность’, ‘трагедия’, моделирующие образы техногенных катастроф как возможных преемников Чернобыльской трагедии, акцентируют внимание на возможности повторения уже случившегося факта, но на другой территории и в других социополитических условиях.

Новая эпоха предполагает новые реалии, новые угрозы. Обзор текстов, входящих в актуальное сетевое пространство, в ряду прецедентных феноменов, описывающих катастрофы посредством онома *Чернобыль*, определенное место занимает пандемия коронавирусной инфекции, первая вспышка которой была зафиксирована в Ухане (Китай) в декабре 2019 года. На сегодняшний день коронави

рус стал причиной тысяч смертей, значительного количества ограничений в разных регионах земного шара, внесла коррективы в политику, экономику и другие сферы большинства государств:

(11) «**Китайский Чернобыль**». Число заразившихся коронавирусом превысило 65 тысяч (<https://www.lada.kz>, 14.02.2020);

(12) Мнение с Запада: эпидемия коронавируса – это **китайский Чернобыль** (<https://topcor.ru>, 16.04.2020).

В XXI в. в текстах СМИ довольно активно функционируют словосочетания с негативной коннотацией, такие как *второй Чернобыль* и *новый Чернобыль*, подчеркивающие и усиливающие резко отрицательный характер планируемых событий, на результат которых можно повлиять. Широкое использование таких конструкций при характеристике событий заведомо дает им негативную оценку, характеризует их как вредные и опасные, обращает внимание на необходимость их предотвращения:

(13) Россия чудом избежала **второго Чернобыля** (Главред, 13.02.2012).

Особенно часто в текстах СМИ используются аллюзии, связанные с возможными реформами в вопросах ядерной энергетики государств:

(14) Реформа атомной отрасли от Порошенко – путь к **второму Чернобылю** (Пикабу, 30.09.2018);

(15) Американский ядерщик предрек США **новый Чернобыль**. Атомная промышленность США находится в состоянии предсмертной агонии (<https://politros.com>, 23.01.2021).

Как показал анализ массмедийных политических текстов, желание властей разных стран добывать полезные ископаемые либо чрезмерно эксплуатировать ядерные установки может стать причиной возникновения катастрофы, наименование которой определяется адеквативом, связанным непосредственно с той сферой, которая является источником эксплуатации:

(16) Миллер признал: В «Газпроме» случился «**газовый Чернобыль**» (о крупной утечке газа. – Н. С., А. М., М. В.) (<https://zen.yandex.ru>, 28.08.2021);

(17) **Нефтяной Чернобыль** в Мексиканском заливе (<https://www.vesti.ru>, 05.05.2010).

В интернет-пространстве прецедентным оним *Чернобыль* может служить средством создания метафорических сценариев за счет аллюзии на трагические события 1986 г. и сравнениях с современными политическими событиями. Бесспорно, это эксплицирует политическую нестабильность и беспомощность политических субъектов и объектов в решении каких-либо вопросов, подчеркивает непредсказуемость результатов принятых политических решений, их губительный характер для того или иного государства, региона, народа или иного территориального, социального или политического объединения:

(18) ...Вполне может начаться **своего рода политический Чернобыль** – неконтролируемая цепная реакция полураспада в самой России, причем нынешняя жесткая вертикаль власти станет ее **детонатором** (1К, 29.06.2009).

Активное развитие интернет-индустрии, апеллирующей к массовому читателю, определило желание блогеров найти и закрепить за собой определенные сферы, вызывающие интерес у аудитории. Так, многие бесстрашные обладатели интернет-дневников и пользователи иных платформ, получающие оплату в зависимости от количества подписчиков, стали искать новые информационные поводы и темы, интересующие большое количество участников интернет-коммуникации. Все чаще такие блогеры посещают запрещенные места, чтобы транслировать своим подписчикам недоступную другим информацию. Чернобыль как «зона отчуждения» в последнее десятилетие притягивает огромное количество искателей новых тем и приключений. Небезопасность подобных «экскурсий» обусловила появление и распространение выражения *увидеть Чернобыль и не умереть*, обозначающего возобновившиеся экскурсии по городу, а также фотоотчеты репортеров, благодаря работе которых мы сейчас можем понять, как ликвидаторы боролись с последствиями взрыва. Отметим, что выражение произошло от итал. *Vedi Napoli e poi muori* («Увидеть Неаполь и умереть»), означающее, что в жизни обязательно нужно увидеть красоты и величие Неаполя.

В текстах СМИ появились контексты, описывающие решение открыть Чернобыль, однако не без опасений:

(19) **Зона отчуждения** открыта: Зеленский заведет туристов в **Чернобыль** (Газета, 10.07.2019).

В данном контексте под *Чернобылем* понимается не сам топоним, а катастрофа, которая может произойти, а лексическое поле «зона отчуждения» используется как топонимический объект.

Говоря об идее открытия экскурсионных маршрутов в Чернобыле, подчеркнем, что в интернет-пространстве активно появляются и другие контексты, иронически описывающие это решение. Зачастую в текстах СМИ подчеркивается финансовая сторона вопроса за счет расширения конструкции адъективом, стоящим в пре- или постпозиции по отношению к ключевой единице *Чернобыль*:

(20) **Чернобыль золотой**. Зеленский решил заманить иностранцев в зону отчуждения и заработать (Лента, 12.07.2019);

(21) Зеленский пообещал превратить **Чернобыль** в «магнит для туризма» (<https://www.gazeta.ru>, 07.06.2021);

(22) **Привлекательный Чернобыль**: как «продают» зону отчуждения (innovationhouse.org.ua, 20.03.2018).

Весьма частотными представляются и контексты, в которых развитие туристической сферы описывается посредством прецедентного онима или языковых единиц, входящих в лексико-семантическое поле *Чернобыль* (*атом, атомный, взрыв, радиация, радиоактивный, зона отчуждения* и т. д.):

(23) **Радиоактивный отдых**. Как проходят туры в **чернобыльскую зону отчуждения** (<https://www.rbc.ru>, 26.04.2021);

(24) Сделай **радиацию** частью своего бренда (<https://www.eurozine.com>, 24.04.2013).

Несомненный интерес у адресантов и адресатов сетевых СМИ, блогов, форумов и чатов вызывает лексическое поле «зона отчуждения», которая определяется как территория, пострадавшая в результате аварии на ЧАЭС и непригодная для жизни. В текстах СМИ данная конструкция приобретает мета-

форическое значение и реализуется при обозначении реалий разного типа. Рассмотрим наиболее характерные варианты коннотативного использования слота «зона отчуждения» в контекстах:

– политическая изоляция:

(25) Как аннексированный Крым стал **зоной отчуждения** (Обозреватель, 13.05.2015).

– экономическая изоляция:

(26) Торговые сети России считают Крым **зоной отчуждения**. Крым по-прежнему остаётся изолированным от большой торговли (ForPost, 18.06.2019).

– прекращение дипломатических отношений:

(27) «**Зона отчуждения**» растет. У глав Дальнего Востока не нашлось времени для встречи с американским послом (bfn.ru, 02.12.2017).

– территория без инфраструктуры, без поддержки государства, непригодная для жизни:

(28) Президент Украины Владимир Зеленский заявил, что Донбасс и Крым может ждать будущее, сравнимое с «**зоной отчуждения в Чернобыле**» (Известия, 16.04.2021).

Коннотации лексического поля «зона отчуждения» не являются однородными и могут использоваться в СМИ для характеристики различных объектов и субъектов политики, которые оказались изолированными по различным причинам либо подвергались интенсивному опасному воздействию:

(29) **Парламентарии в зоне отчуждения**. «Единая Россия» составила список бесперспективных одномандатников к выборам 2021 года (Газета, 02.11.2020);

(30) **Украина** превратилась в **зону отчуждения** для политиков США (Rubaltic.ru, 07.02.2020).

Элементы двухкомпонентной конструкции *зона отчуждения* могут замещаться другими существительными из политической сферы:

(31) «**Зона неизвестности**». Чего ждать от топ-лива из США на украинских АЭС (РИА Новости, 01.12.2020);

(32) **Время отчуждения**: что будет с украинской недвижимостью в Крыму (Крымские новости, 20.03.2020).

Прецедентный феномен *Чернобыль* наполнен разнообразными аллюзиями, связанными с аварией на ЧАЭС. Известно, что во время аварии 26 апреля 1986 г. произошло разрушение реактора четвертого энергоблока Чернобыльской атомной электростанции, которое носило взрывной характер: реактор был полностью разрушен, а в окружающую среду выброшено большое количество радиоактивных веществ. Ввиду этого в текстах СМИ функционируют прецедентные единицы *ядерный реактор*, *радиация*, *атом*, употребляющиеся в трансформированном виде и с новой семантикой. Так, словосочетание *ядерный реактор* зачастую используется в значении «неиссякаемая энергия» либо формирует метафорические сценарии:

(33) Путин проведет о **ядерном реакторе** внутри каждого россиянина (Лента, 01.09.2017);

(34) «Саакашвили – это **политический ядерный реактор**, если вы умеете его использовать, он будет очень долго на вас работать. <...> Но если не умеете им пользоваться, то он быстро превратится из **ядерного реактора** в ядерную бомбу, которая снесет вашу власть...» (<https://24tv.ua>, 23.04.2020).

Прецедентная единица *атом* используется авторами медийных сообщений для описания вопросов, связанных с поставками ядерного топлива или оружия:

(35) Президент **разделит атомы**. Виктор Янукович хочет диверсифицировать поставки ядерного топлива (Газета «Ъ», 07.06.2013);

(36) Сеульский саммит: «**расщепить терроризм на атомы**» (Украина.ру, 27.03.2012).

Прецедентная единица *радиация* в метафорическом употреблении означает «сильное влияние» либо «негативное воздействие»:

(37) Реванш, как невидимая **радиация**, смертельно заражает украинское пространство (<https://ru.espreso.tv>, 04.07.2019).

Для более детального анализа языковой единицы *Чернобыль* обратимся к ассоциативному эксперименту, так как семантическая природа слова связана, прежде всего, с его ассоциативными реакциями. Последние позволяют выявить цепочку ассоциаций на анализируемое слово-стимул, так как предыдущая реакция служит стимулом для последующих и т. д.,

что позволяет дать комплексное представление о языковой единице в понимании конкретного представителя той или иной лингвокультуры. Таким образом, ассоциативный эксперимент послужит эффективным инструментом для распознавания семантических связей онома *Чернобыль*, существующих в сознании респондентов, форм его восприятия, сходств и различий в представлении образа Чернобыля в текстах русскоязычных СМИ.

В качестве исследовательского наблюдения мы выбрали свободный ассоциативный эксперимент, в котором испытуемым предлагалось не задумываясь ответить первой пришедшей в голову реакцией на слово-стимул *Чернобыль* без ограничений формальных либо семантических особенностей словесных реакций. В ассоциативном эксперименте принимали участие обучающиеся 2-го курса направления подготовки 45.03.01 Филология (русский язык и литература) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»), возраст которых составляет от 18 до 20 лет. Общее число участников эксперимента – 100 человек.

В результате проведенного ассоциативного эксперимента было получено 412 ассоциативных реакций на слово-стимул *Чернобыль*, позволивших сделать выводы о том, что ассоциативный ряд является насыщенным и разнообразным не только по своей семантике, но и по грамматическим признакам (слова, словосочетания). Следует отметить, что наиболее частотной группой оказались имена существительные.

В зависимости от частотности реакций, мы распределили ассоциации согласно 10 тематическим группам с подгруппами, так как образ Чернобыля многослоен, включает дефиницию, называет город в Украине, а события 26 апреля 1986 г. повлекли череду последствий, которые специалисты со всего мира пытаются устранить и сегодня.

1. Дефиниция стимула:

1.1. Происшествие: *катастрофа*, *авария*, *бедствие*, *трагедия*, *атомная катастрофа*, *чрезвычайное происшествие*, *техногенная катастрофа* (7,8 %).

1.2. Сооружение: *атомная электростанция*, *АЭС*, *атомная станция*, *печально известная атомная электростанция* (3,9 %).

1.3. Населенный пункт: *город, пострадавший город, мертвый город, город-призрак* (3,9 %).

1.4. Изолированная территория: *зона отчуждения, аномальная зона, место постапокалиптического запустения, запретная зона, изолированная зона* (4,8 %).

2. Территориальная принадлежность: *Украина, Припять, СССР, страна, Белорусь, Россия* (5,8 %).

3. Последствия катастрофы:

3.1. Для людей: *мутация, болезни, облучение, болезнь, серьезные заболевания, онкология* (6,8 %).

3.2. Для окружающей среды: *пустошь, опустошение, загрязнение, загрязнение атмосферы, вредные выбросы, кислотный дождь, упадок, развалины, разруха, разрушение, безжизненность* (11,6 %).

3.3. Общие: *заражение, зараженный, обеззараживание, радиация, потери, разрушения, гибель, смерть, эвакуация, ликвидация* (9,8 %).

4. Политическая подоплека: *сокрытие фактов, обман, ложь, бездействие, халатность, загадочность, гриф секретности, расследование* (7,8 %).

5. Закрепленность образа в современном мире: *сериал, день памяти, экскурсионный маршрут, акция «Зажги свечу», компьютерная игра, мемориал жертвам Чернобыльской АЭС* (5,8 %).

6. Атрибуты ЧАЭС: *саркофаг, ядерный реактор, реактор, энергоблок, блок, противогаз* (5,8 %).

7. Чувства и эмоции: *страх, страшный, пустота, боль, внутренняя опустошенность, обреченность, отчаяние, опасность* (7,8 %).

8. Субъекты: *ликвидаторы, сталкеры, туристы, закопченные лица, невинные люди, жертвы, пострадавшие, самоселы* (6,8 %).

9. Колоративы: *сине-серый, черный, серый, красный, рыжий, фосфорный* (5,8 %).

10. Суть катастрофы: *взрыв, пожар, удар, возгорание, атомная промышленность, ядерный* (5,8 %).

Результаты систематизации данных ассоциативного эксперимента позволили сформулировать специфику осмысления онима *Чернобыль* с учетом его прагматического потенциала. Оним *Чернобыль* знаком обуча-

ющимся, однако лишь поверхностно, так как не находят отражения ассоциации, связанные с этимологией названия города *Чернобыль*. Согласно одной из самых распространенных версий, город получил название из-за обильно растущей там полыни, которую местные называли *чернобыльником, черной* или *горькой травой*. Возможно, данный факт объясняет появление цветowych наименований в качестве ассоциаций, среди них наиболее частотными стали *сине-серый, черный, серый, красный, рыжий, фосфорный* (всего 5,8 % от общего количества реакций). Многие слова-реакции оказались производными и образуют деривационные гнезда, например *пустота, пустошь, опустошение, опустошенность*, которые мы отнесли к разным тематическим группам. В 2021 г. исполнилось 35 лет со дня крупнейшей техногенной катастрофы XX в., что еще больше способствовало распространности онима в текстах СМИ. Видимо, поэтому частотной группой ассоциативных реакций стала группа «Закрепленность образа в современном мире» (5,8 %).

Заключение

Авторские наблюдения и анализ фактического материала показывают частотность обращений к прецедентному топониму *Чернобыль* и широкий спектр ассоциируемых ситуаций. В контекстах нередко проводятся параллели между трагическими событиями 1986 г. и тревожными ситуациями современности, связанными с политическими ошибками, техногенными катастрофами, эпидемией коронавируса, экономическими санкциями и многими другими проблемами современного мира. Образ Чернобыля проецируется не только на государства и политические объединения, но и на конкретных политиков, при этом обращает на себя внимание разнообразие интегральных компонентов, лежащих в основе создания метафор. В ряду прецедентных феноменов периода Чернобыля важное место занимают языковые единицы *зона отчуждения, мертвая зона, ядерный реактор, атом, атомный, радиация, радиоактивный* и др., приобретающие в интернет-пространстве новый коннотативный фон и имеющие высокий трансформационный потенциал. Ком-

плексный анализ ассоциативных реакций обнаруживает значительное переосмысление в массовой коммуникации трагических событий истории, возможность которого заложена в семантике языковых единиц, ставших основой формирования образа прошлого в сознании современной языковой личности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31072 «Коммуникативная стратегия дискредитации «чужих» в современной политической коммуникации, в том числе в социальных сетях и мессенджерах: мифы, метафоры, ярлыки, языковая игра, пост-правда, фейки, дипфейки и фактоиды».

The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 21-011-31072 “The communicative strategy of discrediting “strangers” in modern political communication, including in social networks and messengers: myths, metaphors, labels, language game, post-truth, fakes, deepfakes and factoids”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Будаев Э. В., 2010. Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. № 1 (31). С. 9–22.
- Гудков Д. Б., 1999. Прецедентные имена и проблемы прецедентности. М.: Изд-во МГУ. 152 с.
- Гудков Д. Б., 2003. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во МГУ. 154 с.
- Дрянгина Е. А., 2011. Особенности прецедентных текстов как ассоциативно-образного средства репрезентации языковой личности // Ярославский педагогический вестник. Т. 1, № 2. С. 164–167.
- Дымарский М. Я., 2004. Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т. С. 51–62.
- Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д., 1994. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. № 1. С. 73–76.
- Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В., 1997. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9, Филология. № 3. С. 62–75.
- Моисеенко Л. В., 2012. Прецедентные единицы в пространстве медиатекста: русско-испанские параллели. М.: Тезаурус. 228 с.
- Нахимова Е. А., 2011. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 276 с.
- Немирова Н. В., 2010. Современный экономический кризис в зеркале прецедентности: мифы и реальность // Политическая лингвистика. № 2 (32). С. 128–134.
- Отин Е. С., 2003. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкознания. № 2. С. 55–72.
- Сегал Н. А., 2018. Метафорическая модель «политика – это транспортная система» в русскоязычных СМИ. М.: Флинта. 152 с.
- Сегал Н. А., Мищенко А. Н., 2017. «Троянский цикл» как источник прецедентности в масс-медийном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 8, № 2. С. 367–376. DOI: 10.22363/23132299201782367376
- Сегал Н. А., Мищенко А. Н., 2018. Древнегреческие мифы как источник формирования медийного образа Крыма // Вестник славянских культур. Т. 49. С. 211–222.
- Черникова Н. В., 2013. Новые смыслы Чернобыля // Русская речь. № 3. С. 55–59.
- Чудинов А. П., 2007. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука. 252 с.
- Чудинов А. П., Будаев Э. В., Солопова О. А., 2020. Политическая метафорология: дискурсивный поворот. М.: Флинта. 236 с.

REFERENCES

- Budaev E.V., 2010. Politicheskaya metaforologiya: rakursy sopostavitelnogo analiza [Political Metaphorology: Perspectives of Comparative Analysis]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 1 (31), pp. 9-22.
- Gudkov D.B., 1999. *Pretsedentnye imena i problemy pretsedentnosti* [Precedent Names and Problems of Precedent]. Moscow, Izd-vo MGU. 152 p.
- Gudkov D.B., 2003. *Pretsedentnye fenomeny v tekstakh politicheskogo diskursa. Yazyk SMI kak obyekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Precedent Phenomena in the Texts of Political Discourse. The Language of the Media as an Object of Interdisciplinary Research]. Moscow, Izd-vo MGU. 154 p.
- Dryangina E.A., 2011. *Osobennosti pretsedentnykh tekstov kak assotsiativno-obraznogo sredstva reprezentatsii yazykovoy lichnosti* [Features of Precedent Texts as an Associative-Figurative

- Means of Representing a Linguistic Personality]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], vol. 1, no. 2, pp. 164-167.
- Dymarskiy M. Ya., 2004. *Fenomen pretsedentnosti i preemstvennost kultur* [The Phenomenon of Precedence and Continuity of Cultures]. Voronezh, Voronezh. gos. un-t., pp. 51-62.
- Kostomarov V.G., Burvikova N.D., 1994. *Kak teksty stanovyatsya pretsedentnymi* [How Texts Become Precedent]. *Russkiy yazyk za rubezhom*, no. 1, pp. 73-76.
- Krasnykh V.V., Gudkov D.B., Zakharenko I.V., Bagaeva D.V., 1997. *Kognitivnaya baza i pretsedentnye fenomeny v sisteme drugikh edinit i v kommunikatsii* [Cognitive Base and Precedent Phenomena in the System of Other Units and in Communication]. *Vestnik MGU. Seriya 9. Filologiya* [Bulletin of Moscow State University. Series 9. Philology], no. 3, pp. 62-75.
- Moiseenko L.V., 2012. *Pretsedentnye edinity v prostranstve mediateksta: russko-ispanskiye paralleli* [Precedent Units in the Space of Media Text: Russian-Spanish Parallels]. Moscow, Tezaurus Publ. 228 p.
- Nakhimova E.A., 2011. *Pretsedentnye onimy v sovremennoy rossiyskoy massovoy kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya* [Precedent Onyms in Modern Russian Mass Communication: Theory and Methodology of Cognitive-Discursive Research]. Ekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t. 276 p.
- Nemirova N.V., 2010. *Sovremennyy ekonomicheskiy krizis v zerkale pretsedentnosti: mify i realnost* [The Modern Economic Crisis in the Mirror of Precedent: Myths and Reality]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 2 (32), pp. 128-134.
- Otin E.S., 2003. *Konnotativnye onimy i ikh proizvodnye v istoriko-etimologicheskom slovare russkogo yazyka* [Connotative Onyms and Their Derivatives in the Historical and Etymological Dictionary of the Russian Language]. *Voprosy yazykoznaneya* [Topics in the Study of Language], no. 2, pp. 55-72.
- Segal N.A., 2018. *Metaforicheskaya model «politika – eto transportnaya sistema» v russkoyazychnykh SMI* [The Metaphorical Model “Politics is a Transport System” in the Russian-Language Media]. Moscow, Flinta Publ. 152 p.
- Segal N.A., Mishchenko A.N., 2017. «Troyanskiy tsikl» kak istochnik pretsedentnosti v mass-mediynom diskurse [The Trojan Cycle As a Source of Precedence in Mass Media Discourse]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics], vol. 8, no. 2, pp. 367-376. DOI: 10.22363/23132299201782367376
- Segal N.A., Mishchenko A.N., 2018. *Drevnegrecheskie mify kak istochnik formirovaniya mediynogo obraza Kryma* [Ancient Greek Myths As a Source of the Formation of the Media Image of the Crimea]. *Vestnik slavyanskikh kultur* [Bulletin of Slavic Cultures], vol. 49, pp. 211-222.
- Chernikova N.V., 2013. *Novye smysly Chernobylya* [New Meanings of Chernobyl]. *Russkaya rech* [Russian Speech], no. 3, pp. 55-59.
- Chudinov A.P., 2007. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 252 p.
- Chudinov A.P., Budaev E.V., Solopova O.A., 2020. *Politicheskaya metaforologiya: diskursivnyy povorot* [Political Metaphorology: A Discursive Turn]. Moscow, Flinta Publ. 236 p.

Information About the Authors

Natalya A. Segal, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian, Slavic and General Linguistics, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Vernadskogo, 4, 295007 Simferopol, Russia, natasha-segal@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8213-5050>

Anna N. Mishchenko, Candidate of Sciences (Philology), Department of Russian, Slavic and General Linguistics, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Vernadskogo, 4, 295007 Simferopol, Russia, anutik-anutik18@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7088-0942>

Mariya B. Voroshilova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Human Resources Management, Ural Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 8 Marta St, 66, 620014 Yekaterinburg, Russia, shinkari@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7578-352X>

Информация об авторах

Наталья Александровна Сегал, доктор филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Россия, natasha-segal@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8213-5050>

Анна Николаевна Мищенко, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Россия, anutik-anutik18@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7088-0942>

Мария Борисовна Ворошилова, кандидат филологических наук, доцент кафедры управления персоналом, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. 8 Марта, 66, 620014 г. Екатеринбург, Россия, shinkari@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7578-352X>